

В. Э. Багдасарян

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ,
МОСКВА, РОССИЯ

Антихристианский контекст генезиса германского нацизма

Аннотация. Целью представленного исследования являлось выявление генезиса антихристианских идей германского нацизма и определение их места в структуре нацистской идеологии. Верифицировалась исходная гипотеза о существовании антихристианского ядра в мировоззренческой системе нацизма. Методологической основой послужили принципы дискурсивного анализа и интеллектуальной истории, позволившие реконструировать ключевые идейные компоненты, проследить их истоки, трансформации и преемственность в контексте развития германской общественной мысли.

Показано, что истоки антихристианских установок нацизма уходят в сферу европейского романтизма, неоязыческого мифа, фелькиш-движения, вагнерианских сообществ и ницшеанского антитеизма. Установлена стратегия поэтапной религиозной трансформации: на первом этапе происходила синкретизация христианства с язычеством, на втором — вытеснение христианских элементов, на третьем — утверждение «чистого» германского неоязычества. Вероятный четвёртый этап предполагал раскрытие герметизированного инфернального ядра — сатанинского культа, выражающего откровенное человеконенавистничество.

Рассматриваются процессы нацификации германского христианства, институционализация германского неоязычества и формирование нацистского эзотеризма. Подчёркивается, что ответственность за нацизм лежит не только на НСДАП и Гитлере,

но и на всей породившей их западной цивилизации, в духовном лоне которой сопряжённые с неонацизмом формы неоязычества продолжают выступать как устойчивые аттракторы культурно-исторического развития.

Ключевые слова: германский нацизм, антихристианство, традиционное язычество, неоязычество, эзотеризм, инфернализм, расовая идеология, миф, религия

Для цитирования: Багдасарян В. Э. Антихристианский контекст генезиса германского нацизма // Ортодоксия. — 2025. — № 1. — С. 44–77. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-44-77

АКТУАЛЬНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ЯДРА НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

В формировании историософии Великой Победы принципиально важно заложить понимание той силы, которая противостояла в войне СССР. Для такого понимания маркировки — «гитлеровская Германия» и «государства-сателлиты» — с очевидностью недостаточно. Понятия «фашизм» и «нацизм» в этой идентификации, безусловно, важны, но тоже не исчерпывают вопроса. Нацизм в Германии возник не вдруг и имел некие идейные истоки. Нацистская идеология была результатом развития определённого направления идей, являлась его конечным продуктом. Она представляла собой определённый тип политической доктрины, встраиваемой в рамки особого типа мировоззрения. Реконструкция этого мировоззрения имеет не только научное, но и политическое значение, прежде всего распространение идеологии неонацизма.

Обращение к контенту современной неонацистской пропаганды помогает в свою очередь, применяя методику ретроспекции, провести аналогии с генезисом нацизма в его классической версии. Литература и символика, обнаруженные на освобождённой в 2022–2025 годы бывшей Украинской ССР, позволяют фиксировать некий религиозный (или квазирелигиозный) культ. На первый взгляд он имеет подобие языческим культам. Непосредственно связь украинского неонацизма с язычеством выражает сформированное первоначально в Северной Америке движение Рун-вера, перенёсшее в дальнейшем свою деятельность на Украину.

Последователи Рун-веры были широко представлены в числе сторонников запрещённых в России «Правом секторе», национальном батальоне «Азов» и других экстремистских организациях. Однако внешнее подобие язычеству не означало тождества. Языческая религиозность сакрализовала силы жизни в её природно-биологическом значении. В украинском неоязычестве обнаруживалось в противоречие с традициями язычества культивирование смерти, хаоса и инферно. Наиболее характерными примерами этих течений явились запрещённые в России организации «Правый сектор» и национальный батальон «Азов» (Багдасарян 2023).

В условиях реанимации нацистской идеологии и практики в современном мире возникает острая необходимость осмысления его глубинных оснований, выходящих за рамки политической и военной истории. Одним из ключевых, но часто упускаемых аспектов является процесс дехристианизации, сыгравший существенную роль в формировании мировоззренческого ядра национал-социализма.

Нацизм нельзя понимать исключительно как политическую доктрину — он претендовал на тотальное переустройство сознания, включая разрушение традиционной религиозной системы ценностей. В этом контексте антихристианство выступало в нём не как побочное явление, а как структурный элемент идеологии. Христианство отвергалось как религия слабости, милосердия и равенства — принципов, противоречащих культу силы, иерархии и биологического превосходства, провозглашённых нацизмом. Изучение генезиса нацистской идеологии в дискурсивной связи с дехристианизацией позволяет выявить внутреннюю логику нацистского мировоззрения: от раннего романтизированного неоязычества и расовых мифов — к квазирелигиозной системе, где Бог устранён, а Его место занимает мифологизированный арийский человек, «сверхчеловек».

Целью представляемого исследования являлось выявление генезиса антихристианских идей германского нацизма и определение их места в структуре нацистской идеологии. Верифицировалась исходная гипотеза о существовании антихристианского ядра в структуре нацистского мировоззрения.

Методология исследования опиралась на принципы дискурсивного анализа и интеллектуальной истории. Такой подход позволил не только реконструировать ключевые концепты и идейные структуры, формировавшие антихристианский компонент нацистской идеологии, но и проследить их истоки, преемственность и трансформации в контексте истории германской общественной мысли.

НАЦИЗМ КАК ОТРИЦАНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАВЕНСТВА

Одним из устойчивых векторов политико-идеологического стремления западноевропейских элит на протяжении столетий было стремление к легитимации системы антропологической иерархии — такой модели общественного устройства, в которой неравенство между людьми представляется не как историческая случайность или социальный уклад, а как онтологическая норма. Эта парадигма, затруднённая в своём открытом выражении в условиях христианской цивилизации, требовала идеологической оболочки, способной разрушить универсалистский нравственный императив, лежащий в основании традиционных религий. Именно германский нацизм впервые предоставил такую возможность.

Только в рамках нацистского проекта было создано идеологическое обоснование новой иерархии, суть которой — системное закрепление антропологического неравенства как органического состояния человечества. При этом нацизм не просто отвергал завоевания гуманизма, Просвещения, требования морали, но шёл глубже, нанося удар по фундаменту традиционных религий, и прежде всего по христианству как религии универсальной человеколюбивой нормы. Утверждение апостола Павла о том, что «нет ни эллина, ни иудея... но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11), в нацистской доктрине не только не признавалось, но подвергалось инверсии: человечество принципиально разделено, и разделено по иерархии — на высших и низших, на избранных и подлежащих устранению.

В нацистской системе координат равенство не является исходной истиной, а, напротив, трактуется как угроза «естественному порядку». Там, где христианство утверждает сакральность каждого человека как образа Божия, нацизм проводит линию жёсткого расового отбора, отделяя «человека» от «недочеловека», внося разлом в самое представление о человеке как таковом (Багдасарян 2025).

НЕОЯЗЫЧЕСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ: ДВИЖЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА

1933 год в Германии наступил не вдруг — приход национал-социалистов к власти был результатом длительного и внутренне мотивированного процесса трансформации общественного сознания. Обращение к истокам нацистских идей показывает, что они не были продуктом внезапного

радикального всплеска, но формировались на протяжении десятилетий в рамках дискурсивного пространства германской культуры. Нацистская идеология восходит к многослойному комплексу идей, возникших в рамках германской интеллектуальной традиции и прошедших путь радикализации к началу 1930-х годов. Обращение к этим истокам позволяет понять, как формировалась мировоззренческая почва, на которой стало возможно учреждение нацистского государства. И важнейшим из этих компонент стало германское неоязычество.

Языческая традиция в Европе к началу Нового времени была фактически полностью утрачена. Отдельных сохранённых артефактов и обрядовых реликвий было для реконструкции картины мира европейского язычника недостаточно. Соответственно, и последующий дискурс, приведший к появлению неоязычества, лишь на 10 % максимально основывался на подлинных исторических основаниях, тогда как 90 % — на вымысле. В этом отношении неоязычество базировалось на обмане. Апеллируя к язычеству, оно не было преемственно к нему, представляя собой продукт не традиционного общества, а общества секулярного (Дворкин 2022).

Запрос на национальное язычество возникает ещё в XIX столетии в рамках движения европейского романтизма. Языческие образы — германские, кельтские, славянские — противопоставлялись образам библейским и античным (греко-римским). Смысл такого обращения состоял в решаемых задачах формирования национального мифа, который бы лёг в основание конструируемого феномена нации. Обосновывается примордиалистская теория происхождения нации, утверждавшая древние племенные корни возникновения национального духа. В рамках возникшей уже позже теории конструктивизма было показано, как под старину сочинялись будто бы народные сказки, вводились в обиход псевдонациональные элементы костюма и предметы утвари (Андерсон 2024). Соответствующие элементы приобрели значение символов национально-суверенитета, в ряде случаев — национально-освободительной борьбы.

Для немцев квазиязыческие образы приобрели особое значение в качестве обоснования национального единства. Ни протестантство, ни тем более католицизм оснований для утверждения идеи единой Германии не давали. Расхождения католиков и протестантов скорее наоборот указывали на отсутствие такого единства. Язычество же создавало иллюзию, будто бы исторически существовала единая германская общность,

и обращение к языческим истокам может стать идеологической основой национальной консолидации.

Реальное язычество такого консолидационного потенциала как раз не имело. Князь Владимир на Руси, принимая христианство, среди прочих задач решал, как принято считать, задачу преодоления расколотости формируемой общности через установление единой религии вместо множественности племенных культов. Однако в логике развития немецкой мысли неоязычество стало соотноситься с германским политическим единством, понимаемым как единство примордиальное. Взяв племенное язычество основой германской консолидации, её сторонники логически подвигались к ресакрализации племенного генезиса нации. Практически это означало выдвигание культа крови.

Нацизм имитировал архаику и в этой имитации оперировал тем, чем мог оперировать ввиду недостоверности источников — европейским язычеством. Как отмечал британский историк-марксист Эрик Хобсбаум, в условиях кризиса легитимности современного общества возникает стремление опереться на символические конструкции, претендующие на древность. В рамках своей концепции «изобретённых традиций» Хобсбаум доказывал, что многие якобы древние этнические и культурные элементы в действительности являются поздними конструктами, оформленными в эпоху национальных государств и индустриального капитализма. Так, он указывал на романтизированные элементы шотландского костюма как на яркий пример подобной ретроактивной фальсификации (Хобсбаум 2000).

Германский нацизм пошёл по тому же пути, но с ещё более радикальной идеологической нагрузкой. В нём идея «нордической расы» и арийского происхождения немцев была выведена в ранг квазирелигиозного догмата, претендующего на роль сакрального основания нового порядка. Эта расовая мифология — по сути, изобретённая традиция, не имеющая археологического, лингвистического или антропологического подтверждения, — выступала как инструмент не только национальной мобилизации, но и фундаментального антропологического отсева.

Конструирование псевдоархаических образов — от культов Вагнера и германских саг до символики СС — становилось частью тотального проектирования нового мифологического времени, в котором христианская идея братства замещалась идеей избранности и исключительности, а духовная иерархия подменялась расовой. Изобретённая традиция в нацизме

была, таким образом, не просто культурной оболочкой, а центральным механизмом антихристианской подмены смыслов (Баринов 2013).

В нацистской мифологии образ Зигфрида — героя германского эпоса и центральной фигуры вагнеровского музыкального цикла «Кольцо Нибелунга» — стал персонифицированным символом германского духа, подменив собой традиционный пантеон христианских святых. Зигфрид олицетворял собою всё, что провозглашалось высшей добродетелью в расовой и военной идеологии рейха: физическую силу, отвагу, решительность, волю к власти, способность к жертве ради великой цели. Он не просто борец — он борец с чудовищами и богами, сам создающий новый порядок. Его противостояние старому миру и богам интерпретировалось как восстание против изживших себя религиозных и нравственных систем — в первую очередь против христианства с его культом смирения.

Показательно, что в нацистской Германии Зигфрид становился не только эстетическим символом, но и участником массовой культурной политики. На основе образа Зигфрида воспитывали молодёжь — как антипода Христа. В религиозном сознании народных масс производилась символическая подмена: героическая смерть Зигфрида заменяла собой распятие Иисуса, образ сверхчеловека заслонял образ богочеловека, а подвиг силы вытеснял подвиг страдания.

ДВИЖЕНИЕ ФЁЛЬКИШ: КВАЗИНАРОДНАЯ РЕЛИГИЯ

В развитие идей немецкого романтизма во второй половине XIX века в германских землях формируется направление Фёлькиш — буквально — «Народное движение». Немецкий народ в нём заявлялся как хранитель языческой нехристианской традиции. Движение акцентировалось на вытеснение чужеродного и носило определённо антисемитскую направленность. Ключевые идеи национал-социализма циркулировали ранее в дискурсе движения Фёлькиш.

Фёлькиш-движение выступало под лозунгами возрождения исконной германской духовности и органической связи народа с землёй. Первоначально оно позиционировалось как культурологическая инициатива. Его участники занимались «реконструкцией» древнегерманских обрядов, собиранием народных преданий, разработкой символики, проведением этнических фестивалей, обрядовых шествий и состязаний по «арийским видам спорта». Однако во многих случаях эти традиции не восстанавливались, а изобретались — в духе описанной Эриком Хобсбаумом концепции «изобретённых традиций» (Хобсбаум 2000).

Вместе с тем с самого начала идеологи фёлькиш последовательно противопоставляли себя не только иудаизму, но и христианству в его католической (а в ряде случаев и протестантской) версии. Католицизм воспринимался как «неорганическая», внешне привнесённая форма, ассоциированная с Римом и универсализмом, противоречащая идее «крови и почвы». Иудаизм же прямо маркировался как чуждое тело в народной среде — не столько как религия, сколько как расово-чуждая субстанция.

По мере своего развития фёлькиш-движение всё менее сохраняло культурологический характер и всё более эволюционировало в сторону политического радикализма. Его лозунги становились инструментами политической мобилизации, а символика — прообразом для нацистских ритуалов. Именно в среде фёлькиш сформировался язык, на котором позже заговорили идеологи Рейха: язык арийской исключительности, сакрализации народа, антисемитизма, антихристианства и героического возрождения. Фёлькиш превращался в своего рода народную квазирелигию, в которой вытеснялось евангельское христианство, а на его место восходили архаические и сконструированные культы, апеллирующие к крови, земле, племени, вождю (Kurlander 2002).

ВАГНЕРОВСКИЕ ОБЩЕСТВА: ОТ КУЛЬТУРНОГО НЕОЯЗЫЧЕСТВА К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

Изначально неоязыческое движение в Германии носило на первый взгляд культурологический характер. Оно маскировалось под изучение национального фольклора, реконструкцию символов, обращение к дохристианскому мифологическому наследию. Такая «культурная вывеска» позволяла неоязычеству входить в легитимное поле общественной дискуссии, не вызывая первоначально опасений как форма идейного радикализма. Однако за внешней эстетизацией прошлого скрывалась глубинная идеологическая программа — дехристианизация, разрыв с универсалистским духовным наследием Европы и создание псевдосакрального пространства для утверждения новой расовой иерархии.

Одной из ключевых форм символического приобщения к мифологизированному германскому прошлому стало обращение к творчеству Рихарда Вагнера. Его музыкальные драмы, пронизанные мотивами нибелунгов, валькирий, обречённых героев и архаических конфликтов, стали не только культурной формой, но и идеологическим ресурсом. Вагнеровские оперы, особенно «Зигфрид», приобретали статус почти сакральных постановок, сопровождавших государственные торжества.

Особое значение в этом контексте приобрели взгляды самого Вагнера, особенно его программная статья «Еврейство в музыке», в которой композитор отождествлял еврейское начало с разрушением подлинной, «германской» музыкальной традиции. Данный текст сегодня официально признан экстремистским материалом и включён в Федеральный список экстремистских публикаций на территории Российской Федерации, что указывает на его опасный, подстрекательский потенциал.

Вагнеровское творчество, соединяющее музыкальную монументальность с антисемитской риторикой, стало для нацистов основой культурного канона. Имя Вагнера было возведено в ранг сакрального, музыка его опер звучала на официальных церемониях Рейха, а сам Адольф Гитлер был не только поклонником, но и членом одного из вагнеровских обществ. Через Вагнера оформлялся псевдорелигиозный культ национального возрождения с опорой на героину германского языческого мифа с эсхатологическим финалом гибели богов.

Мифологемы, извлечённые из вагнеровского оперного мира, были вырваны из эстетического контекста и превращены в политико-антропологические конструкции. Духовная сила музыки была поставлена на службу антихристианской идеологии, в которой вместо любви и спасения предлагались вражда и месть, вместо креста — меч, вместо кротости — воля к власти (Цимбал 2014).

НИЦШЕАНСКОЕ АНТИХРИСТИАНСТВО

Среди философских оснований духовной трансформации, приведшей к формированию антихристианского мифологического ядра нацизма, особое место занимает фигура Фридриха Ницше. Вопрос о степени антирелигиозности Ницше остаётся предметом интерпретации: иногда высказывается мнение, будто он боролся не с религией как таковой, а лишь с её институциональной формой — клерикализмом. Однако такая трактовка редуцирует и искажает глубину ницшеанского восстания. Ницше был не просто антиклерикалистом, но радикальным антитеистом, поднимающим мятеж против самой идеи Бога.

Сущностное отвращение у Ницше вызывал не столько институт Церкви, сколько сама мысль о существовании надчеловеческой, трансцендентной инстанции. Его возмущало не только подчинение воли человеческой божественному, но и сам характер этого Бога, прошедшего путь из «Бога силы» в Ветхом Завете, через «Бога морали» Нового Завета — к «Богу

любви и сострадания» христианской проповеди. Именно это превращение воспринималось им как вырождение, как «дегенерация божественного».

Образ Заратустры, центрального персонажа одноимённой философской поэмы, становится у Ницше проекцией нового пророка — предвестника религии сильного начала. Этого нового бога он идентифицировал с зороастрийским Ахура-Маздой, противопоставляя его Христу, воплощению сострадания, жертвы и смирения. Религия должна была быть очищена от жалости и сострадания, от «морали рабов», чтобы вернуться к культу господства, героизма, власти.

Наиболее показательно и откровенно ницшевское богоборчество выражено в его программном сочинении, опубликованном под эпатажным названием «Антихрист». Само название книги было настолько кощунственным, что издатели заменяли его на более нейтральное — «Антихристианство». В этом трактате Ницше не просто критикует христианскую мораль — он провозглашает необходимость её уничтожения как системной ошибки человеческой истории.

Фраза Ницше «Бог умер!» из «Весёлой науки» становится философским вызовом христианскому кредо «Христос воскрес!». Ницше осознаёт невозможность буквального умирания Бога как трансцендентной сущности — и потому трактует эту смерть как результат метафизического убийства. Причём убийство не атеистического акта, а убийства, в котором все соучастники. «Куда скрылся Бог? — ставил вопрос Ницше и давал на него радикальный ответ: — Я скажу вам! Мы убили Его — вы и я! Мы все Его убийцы!.. Бог умер! Бог умер навсегда! И убили Его — мы! Кто убил Бога? — Мы его убили — вы и я!» (Ницше 2023: 157). В этом жесте содержится не только философский пафос, но и эсхатологическая декларация: Бог устранён, и на его месте возникает пустота, которую должен заполнить новый человек, сверхчеловек (*der Übermensch*).

Антихристианская направленность философии Фридриха Ницше находит наиболее концентрированное выражение в создании своеобразного «катехизиса», где вместо традиционных заповедей — императивы силы, власти, господства. По форме этот опросник, представленный в «Антихристе», отсылает к христианскому катехизису, но его содержание антагонистично христианству. Ницше не скрывает своей цели: низвергнув мораль сострадания, он стремится заменить её новым культом — культом сверхчеловека, которому надлежит стать новым богом.

Катехизис Ницше строится на серии риторических вопросов:

Что есть добро? — «Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самое власть...»

Что есть зло? — «Всё, что происходит из слабости».

Что есть счастье? — «Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия».

Что вреднее всего? — «Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым — христианство...»

Какова первая заповедь? — «Слабые и неудачники должны погибнуть... И им должно ещё помочь в этом» (Ницше 2019: 8).

Эти утверждения формируют не просто философскую концепцию, а квазирелигиозную программу, отрицающую основные положения христианской этики. Главный императив Ницше — «Падающего толкни!» — противопоставлен кантовскому нравственному закону как абсолютному долгу. Он предполагает отказ от моральной поддержки слабых и утверждает необходимость их устранения как «балласта» цивилизации. Подобно тому, как в Спарте больных и нежизнеспособных младенцев сбрасывали с обрыва, Ницше требует «естественного отбора» в социальной жизни: жизнь — для сильных.

Данная установка была непосредственно воспринята в идеологии нацистского рейха. Программа эвтаназии душевнобольных, евгенические меры, массовое истребление «неполноценных» в рамках операции «Т-4» и других проектов опирались не только на расовые теории, но и на моральное оправдание ликвидации слабости, артикулированное у Ницше. Ницшеанский «катехизис силы» трансформировался из философской декларации в инструмент государственной политики, где милосердие объявлялось преступлением против здоровья нации, а сострадание — моральным вырождением.

Для нацистской идеологии, стремящейся заменить Евангелие новой «религией расы», книга «Антихрист» становится не просто философским текстом, а своего рода «контр-Откровением» — заявлением о конце прежней религиозной парадигмы и наступлении эпохи новых богов, новых культов и нового человека, свободного от заповедей Христа.

СТРАТЕГИЯ НАЦИСТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ

О цели создания «новой германской религии» говорил Г. Гиммлер. Рейхсфюрер СС, можно сказать, был одержим этой идеей. По-видимому, и другие нацистские лидеры, сопричастные к германскому идеологическому строительству, разделяли этот замысел. Однако быстро переход

от язычества к христианству они осуществить не могли. Подавляющее большинство немецкого населения было христианским, и выход к нему с идеей отрицания христианства мог привести к массовому противодействию. Поэтому оказалась принята стратегия трёх этапов. На первом христианство соединялось с язычеством, на втором — христианские элементы искоренялись из нового религиозного суррогата, на третьем — германская языческая религия должна была предстать в чистом виде. Вероятно, предусматривался и четвёртый этап. На этом этапе неоязычество должно было быть заменено находившимся в нём в эзотерической герметизации инфернализмом, откровенным человеконенавистническим и сатанинским культом (Гудрик-Кларк 1993).

НАЦИФИКАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО ХРИСТИАНСТВА

Несмотря на явное продвижение неоязычества, христианство в Германии не было запрещено или подвергнуто системной дискриминации. Но для христианского учения реализуемая нацистским режимом религиозная политика являлась ещё большим вызовом, чем если бы проводились гонения. Нацистское руководство пыталось изменить саму сущность христианства, примирив его с язычеством и подверстав под нацизм. Очевидно, что такое христианство превращалось бы в свою противоположность.

Сообразно со взглядами германского нацистского руководства, навязанного в значительной степени идеями Ф. Ницше, христианство объявлялось религией слабости. Возможность сделать её религией физической силы виделась в соединении её с языческими прообразами. Отчасти это и удалось, имея в виду историю и германскую апроприацию западного христианства.

Из истории Католической Церкви апроприировались для нацистской идеологии крестовые походы, инквизиция, деятельность рыцарских орденов, особенно Тевтонского ордена. Из лютеранства брались антииудейские высказывания Мартина Лютера, а также характерная в целом для протестантизма идея избранничества.

Точки опоры для таких действий в западном христианстве, следует констатировать, действительно имелись. Но парадигмального соединения нацизма и христианства, несмотря на все предпринятые усилия, достигнуто не было. Отражением провала этого проекта стал, в частности, отказ в 1939 году от использования во властном германском дискурсе понятия «Третий рейх». Концепт Третьего рейха связывался с христианской

историософией и непосредственно мистикой Иоахима Флорского. К 1939 году нацистскому руководству очевидно стало ясно, что расчёт на нацификацию христианства себя не оправдал. И часто используемый образ противостояния во Вторую мировую войну Германии как Третьему рейху исторически не вполне корректен, так как сами нацисты от третьерейховой самоидентификации, ассоциируемой с христианством, уже к тому времени отказались.

Под эгидой германского нацизма среди протестантов было организовано «Немецкое христианское движение». Оно позиционировалось как арийское христианство, что само по себе предполагало также наличие христианства неарийского. Под неарийским христианством понималось христианство иудейское, трактуемое как подчинённое иудаизму в целях ослабления арийского мира. Преследовалась цель «очищения» христианства от «иудейских примесей». Движение нашло многих сторонников среди пасторов и паствы (600 тысяч членов) и претендовало на руководящую роль в Евангелической церкви Германии. В теологическом плане утверждалось новое «позитивное христианство», противопоставляемое традиционному христианству «негативному». Среди «позитивных», в версии «Немецкого христианского движения», положений было в том числе и положение об отказе от тезиса об изначальной греховности человечества. В символике крест, как фундаментальный христианский символ, оттеснялся на вторую роль, будучи замещён свастикой (Эванс 2010: 247–248).

Христианские формы религии, впрочем, мыслились как временные. Использование христианства понималось в качестве переходного этапа к арийскому язычеству. Об этом прямо свидетельствовал, например, Мартин Борман в декабре 1941 года в специальном меморандуме, направленном гаулейтерам: «Национал-социалистские и христианские идеи несовместимы... Если поэтому в будущем наша молодёжь ничего не будет знать о христианстве, чьи доктрины во многом уступают нашим, христианство исчезнет само собой. Все влияния, которые могут ослабить или нанести ущерб народному руководству, которое осуществляется фюрером при помощи НСДАП, должны быть устранены: народ должен быть всё более и более отделён от церкви и её рупора — пасторов» (Шоукросс 1999: 343).

В отличие от Римско-Католической Церкви, обладавшей более централизованной структурой и внешним центром в лице Ватикана, немецкий протестантизм оказался существенно более уязвим для интеграции в идеологический проект нацизма (Керцер 2024). В силу своей

национально-государственной укоренённости, институционального раздробления и исторической ориентации на германский суверенитет лютеранские церкви в значительной своей части пошли на компромисс, а подчас и на прямое сотрудничество с нацистским режимом.

Эта экклезиологическая коллаборация, оформившаяся, в частности, в деятельности Германской христианской церкви (*Deutsche Christen*), взявшей курс на «ариизацию» христианства, оказалась для германского протестантизма долговременным компрометирующим фактором. Попытки интеграции христианской теологии в расовую идеологию Третьего рейха — включая отрицание Ветхого Завета, вымывание еврейского элемента из христологии и подмену мессианского универсализма культом национального спасения — привели к глубокому кризису идентичности протестантских общин в послевоенный период (Alles 2002); (Davies 1975).

Духовная дискредитация, связанная с поддержкой нацистской идеологии, имела демографические и культурные последствия. Если в начале XX века конфессиональное распределение населения Германии составляло приблизительно 62 % протестантов и 36 % католиков, то уже во второй половине XX века, на фоне морального переосмысления итогов Второй мировой войны, начался устойчивый рост престижа католицизма. В XXI веке доля католиков стала превышать долю протестантов, и это изменение не может быть понято вне учёта морального суждения общества о степени вовлечённости религиозных институтов в преступную идеологию нацизма.

ОТ АНТИИУДАИЗМА К АНТИХРИСТИАНСТВУ

Антихристианская инверсия, заложенная в идеологии германского нацизма, во многом черпала подпитку из тех пластов европейской истории, которые, хотя формально и относились к христианской традиции, содержали в себе элементы отклонения от евангельской всечеловечности (Поляков 1996). Особое значение здесь приобретает фигура Мартина Лютера — отца немецкой Реформации, чьё богословское наследие, несмотря на признанный вклад в трансформацию западного христианства, несёт в себе и очевидную тень антиеврейской вражды (Хавкин 2019).

Лютер начинал с надежды на обращение евреев к христианству, полагая, что очищение веры от католических наслоений сделает её доступной иудейскому народу. Однако разочарование в отсутствии массовых обращений привело его к радикальной переоценке. В своих поздних

сочинениях, особенно в трактате «О евреях и их лжи» (1543), Лютер сформулировал целую программу дискриминационных и откровенно насильственных действий по отношению к еврейскому населению. В числе его предложений: сожжение синагог и еврейских школ, разрушение еврейских домов, изъятие религиозной литературы, запрет раввинистского преподавания, ограничение перемещений, конфискация золота и принудительный физический труд¹.

Особенно важным является то, что подобные установки исходили не от маргинального публициста, а от фигуры, символизирующей собой духовное пробуждение и обновление христианской Европы. Именно этот парадокс — сочетание реформаторской миссии с откровенным антисемитизмом — и был подхвачен германскими нацистами. Когда в 1938 году, в ночь с 9 на 10 ноября, по всей Германии прокатилась волна насилия, вошедшая в историю как *Kristallnacht* («Хрустальная ночь»), нацистская пропаганда недвусмысленно заявила: акция приурочена ко дню рождения Мартина Лютера. Таким образом, легитимация насилия черпалась из апелляции к протестантскому преданию, точнее — к его радикализованному и антихристиански переосмысленному элементу.

Эта связь между раннебуржуазной религиозной реформой и современным расовым насилием обнаруживает глубинный механизм идеологической подмены: универсальная миссия христианства трансформируется в этнонациональный проект, Священное Писание — в источник селекции и исключения, а религиозная идентичность — в инструмент расправы. Наследие Лютера в своей извращённой интерпретации становится, таким образом, одним из кирпичей идеологического фундамента нацизма, а лютеранская традиция оказывается — пусть и не в своём официальном лице, но в восприятии части немецкого общества — соучастницей исторического преступления.

Важной задачей формирования антихристианской псевдорелигиозной парадигмы в рамках нацистской идеологии было не только разрушение христианской этики, но и попытка перехвата самого образа Христа — путём отделения его от иудейского корня. Особый акцент на этом тезисе делался в рамках расово-идеологической литературы конца XIX — начала XX века, прежде всего в труде Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы

¹ Luther M. On the Jews and Their Lies. — URL: <https://web.archive.org/web/20071211130351/http://www.humanitas-international.org/showcase/chronography/documents/luther-jews.htm> (дата обращения: 26.06.2025).

ХІХ века» (1899), ставшем одной из интеллектуальных основ германского расового мифа (Чемберлен 2012).

Чемберлен, англичанин по происхождению, писавший на немецком языке и принятый в круг немецкой культурной элиты, последовательно проводил идею о том, что Иисус Христос, несмотря на своё происхождение в иудейской среде, не был евреем ни по духу, ни по расе. Более того, по мнению Чемберлена, Христос представлял Собой духовный антипод еврейства, и потому был им отвергнут и уничтожен. Этот тезис — о «нееврейском» Иисусе, убитом евреями, — стал одним из краеугольных камней нацистского расово-религиозного дискурса, позволявшего одновременно атаковать христианскую традицию и «очищать» её от «семитской заразы».

В рамках подобной логики христианство, по мнению ариософов и идеологов нацистского рейха, должно было быть радикально пересмотрено, очищено от Ветхого Завета, от апостольской преемственности и от самого иудейского корня. Подобное «расово ориентированное христианство» — или даже постхристианство — становится инструментом трансформации религии любви в религию крови, подмены откровения националистической мифологемой. Именно поэтому в пропагандистских и философских кругах нацизма активно использовались тезисы о «подлинном Христе-арийце» и «лживом еврейском апостольстве», якобы искажившем его учение.

Эта попытка разрыва Христа с Его историческим и духовным контекстом является не только формой исторической фальсификации, но и проявлением глубокой метафизической инверсии. Отвергается не просто происхождение, но и миссия, подменяется не только евангельская история, но и сама суть воплощения. Христос лишается мессианской функции, он становится лишь символом арийской чистоты, жертвой «расовой тьмы». Такая трансформация делает нацизм не просто антиисторическим, но в подлинном смысле слова антихристианским проектом, стремящимся вырвать христианство с корнем и поставить на его место идол расовой исключительности (Лепетухин 2013).

О том, что антииудаизм германского нацизма перейдёт логически в антихристианство, предупреждали многие. На такую перспективу указывал, в частности, русский философ Н. А. Бердяев. Определение «Ветхого Завета» в нацистской маркировке в качестве «Библии Сатаны» означало уже отрицание не только иудаизма, но и христианства. Но указанную логическую цепочку возможно было бы дать и иначе. Не от юдофобии к христофобии, а наоборот. Новая квазирелигия являлась антиподом

именно христианству. Но против христианства исходно напрямую нацисты выступить не могли, поэтому стали наносить удары по его историческим и культурным подпоркам. Одной из таких подпорок был еврейский контекст библейской истории (Бердяев 1938).

НАЦИСТСКОЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВО: АНТИХРИСТИАНСТВО

Расовая доктрина нацистского рейха не была просто научным заблуждением или политическим инструментом. Это была новая религия, выстроенная на отрицании принципов христианской цивилизации.

Арманизм, вотанизм, ирминизм — псевдодуховные течения, реконструирующие якобы изначальную германскую веру, — стали важными элементами дискурсивного поля нацизма. Эти направления германского неоязычества, опираясь на символику рун, культ предков, культ солнца и крови, проводили последовательную десакрализацию христианства и замену его образного ряда языческими архетипами силы, власти и жертвоприношения (Гудрик-Кларк 1993).

Идеологи нацизма, в том числе Альфред Розенберг, развивали тезис о необходимости «очищения» немецкой души от «восточной» — прежде всего, христианской — моральной наследственности. Христос рассматривался ими не как Спаситель, а как еврейский учитель, навязавший Европе «унижающую человека мораль жалости». На смену христианской этике прощения выдвигалась языческая этика возмездия, на смену идее духовного спасения — идея расовой победы (Rosenberg 1971).

Арманизм, сформированный под влиянием трудов Гвидо фон Листа и Ланца фон Либенфельса, выдвигал тезис о существовании изначального «ариогерманского» государства, управляемого кастой жрецов-гностиков — *Armanenschaft* — хранителей расового и духовного знания. Это государство, по утверждению Листа, было разрушено с приходом христианства, насильственно принесённого на германскую землю Карлом Великим. Христианская Церковь трактовалась арманистами как один из главных инструментов «антинемецкого заговора», равно как и иудейство, социализм и идеи равенства. Таким образом, вся история Европы начиная с христианизации рассматривалась как история «упадка» и расового вырождения.

Учение арманизма строилось на симбиозе теософии (в частности, концепции коренных рас Е. Блаватской), гностической интерпретации Писания, социального дарвинизма и биологического расизма. По Ланцу фон Либенфельсу, «арийцы» являлись *Gottmenschen* — «богочеловеками»,

обладавшими сверхъестественными свойствами, которые были утрачены в результате расового смешения с «зверолоудьми» — представителями «неарийских рас». Иисус трактовался как носитель «электрической» природы, посланный для восстановления расовой чистоты, тогда как Ветхий Завет подвергался произвольной гностической перетолковке с сексуально-расистскими кодами. Ланц заявлял, что спасение мира возможно лишь через радикальную расовую сегрегацию, кастрацию «низших» и порабощение «зверолоудей» (Hammer 2015: 348–360); (Wilfried 1994).

Германское неоязычество формировало альтернативную религиозность, полностью противоположную христианству. Здесь не было ни идеи спасения души, ни представления о грехе как нравственном падении, ни призыва к любви к ближнему. На смену евангельской этике приходила биомистическая иерархия, в которой «высший» и «низший» — не результат духовного выбора, а предзаданность крови. Человек лишался своего богоподобия и превращался в носителя либо «электрической» чистоты, либо «звериного» ига.

Особую роль в распространении антихристианских идей германского нацизма играла фигура Карла Марии Вилигута (псевдоним — Вайстор), оккультиста, эзотерика, бригадефюрера СС. Его влияние на формирование ритуального и символического каркаса СС не может быть недооценено ввиду особой близости к рейхсфюреру Генриху Гиммлеру. «Истинная германская религия» ирминизм (от имени мифического бога войны Ирмина) выдвигалась им в качестве антипода как христианству, так и традиционному германскому единизму.

Ирминизм, по Вилигуту, — это «истинная германская религия», носителем которой выступала богоизбранная раса «арийских» жрецов и воинов, сохранявших в своей крови и памяти откровение Бальдура-Крестоса. В отличие от него, единизм рассматривался как ложное и искажённое учение, возникшее в результате деградации и предательства, осуществлённого раскольниками, принёсшими в жертву Бальдура и заменившими первоначальную религию культом Вотана — бога хитрости, магии и обмана.

Центральной фигурой «ирминистской религии» становился Бальдур-Крестос — якобы распятый вождь древних ариев, принесённый в жертву вотанистами в 9600 году до н. э. Согласно Вилигуту, Библия изначально была написана германцами и лишь позднее сфальсифицирована «семи-тами», масонами и христианами. В этом учении христианство не только не признаётся как завершённое Откровение, но рассматривается как

искажение, как акт духовного предательства и средство мирового заговора против «истинной арийской веры».

Вилигут заявлял о своём происхождении от касты вилиготис — потомков союзов воздушных и водных божеств (асов и ванов), а также утверждал, что хранит в своей памяти события многотысячелетней истории арийской расы, пережившей падение Луны, эпоху трёх солнц и борьбу со «зверолюдьми». Эти представления находились на стыке оккультного гностицизма, расовой теологии и фантастической псевдоистории. При этом Вилигут активно участвовал в разработке эсэсовских ритуалов — в том числе брачных обрядов в замке Вевельсбург и символики, включая кольцо Мёртвой головы, — превращая СС в закрытую орденскую структуру, несущую черты архаизированной жреческой касты.

Примечательно, что даже в рамках нацистской элиты Вилигут воспринимался как фигура, находящаяся на грани безумия: ранее он лечился в психиатрической клинике, страдая от мании преследования и убеждённости в заговоре против себя со стороны евреев, франкмасонов и Католической Церкви. Однако именно эта фигура, сочетающая расистский гнозис, психопатологическое мессианство и яростный антихристианский пафос, оказывается поставленной у истоков ритуальной и идеологической платформы СС (Рюдигер 2008).

Неоязычество в нацистской Германии, не обладая прочной историко-ведческой или историко-фактологической основой, вынуждено было опереться на сферу эзотерики — на доктрину тайного знания, будто бы унаследованного от «древних посвящённых». Речь шла не о реконструкции на основе письменных памятников или археологических свидетельств, а о квазимистическом восстановлении «арийской традиции», существование которой не столько доказывалось, сколько постулировалось. Эта доктрина, находясь вне поля научной верификации, имела характер сакрализованной веры, утверждающей, что духовная истина «арийцев» была намеренно вытеснена и подавлена сначала христианством, затем — современным рационализмом и теперь нуждается в возвращении через усилия новой расовой элиты (Пленков 2005).

ДОКТРИНА РАСОВОЙ РЕЛИГИИ

Центральной фигурой в формировании нацистской расовой парадигмы стал немецкий евгенист, идеолог нордицизма Ханс Фридрих Карл Гюнтер. Гюнтер интерпретировал религию через призму расы, и сообразно с этим видением для каждого расового типа существовала

своя религиозная система. Согласно Гюнтеру, у «нордического человека» религиозность — героическая, активная, земная, посюсторонняя, устремлённая к свету, к порядку, к социальной иерархии. В то время как религиозность «семитская» — пассивная, потусторонняя, пронизанная идеей страдания, вины и покаяния. Гюнтер утверждал, что большинство религиозных понятий, принятых в европейской культуре, имеют неиндоевропейскую природу и навязаны через христианство — как восточную, чуждую немецкому духу форму.

В трудах Гюнтера религия окончательно теряет свой универалистский характер и превращается в функцию расы. Христианство же, с его моралью милосердия, равенства и прощения, объявляется не только исторически ошибочным, но и биологически вредоносным — как продукт «не той расы», угнетающий «расово здоровую» германскую сущность (Гюнтер 2005).

Знаковой в этом контексте является работа Ханса Фридриха Карла Гюнтера «Религиозность нордического типа» (1943), ставшая квинтэссенцией идеологического разрыва с христианским универсализмом и утверждения особого «индоевропейского» (в нацистской терминологии — индогерманского) религиозного типа. Гюнтер утверждает, что большинство привычных европейскому человеку представлений о религиозности имеют неиндоевропейский — преимущественно семитский — характер. В качестве источника и главного объекта критики он называет христианство, сформировавшееся, по его мнению, на почве восточной, иудейско-семитской духовности, с её акцентом на потустороннем спасении, моральной зависимости от Бога, уничтожении человеческой воли и греховности плоти. В противоположность этому, как утверждает Гюнтер, «нордическая» или «индогерманская» религиозность якобы иная по своей сути: она имманентна, ориентирована на земную полноту жизни, на героическое служение, на утверждение достоинства и свободы духа. Обычно, рассуждал Гюнтер, религиозность связывается исключительно с потусторонней жизнью, а посюсторонняя трактуется как мир несовершенный. Надо, полагал он, изменить этот взгляд и создать посюстороннюю религию. В качестве такой земной религии Гюнтер представлял индогерманское язычество. Мешало же возвращению к ней и осознанию ее величия иудео-христианство.

Подобного рода заявления не являлись просто отдельными оценочными суждениями. Они представляли собой сознательную попытку деструкции христианской духовной нормы и замещения её конструкцией, легитимирующей расовую исключительность. Потустороннее — отвергается как

рабская форма, христианское — как внешнее по отношению к «германской душе».

Ключевой тезис Гюнтера — необходимость интерпретации «нордической» религиозности исключительно из неё самой, без проекции христианских категорий. Он призывал немцев вернуться к пониманию индогерманской религиозности из неё самой. Эта установка вела к институциональному выходу за пределы христианства, к утверждению расово-духовной уникальности, требующей новой мифологии, нового культа и новой метафизики (Гюнтер 2008).

Наряду с «Майн кампф» Адольфа Гитлера, программным текстом нацистской идеологии стала книга Альфреда Розенберга «Миф XX века» (1929), достигшая к 1943 году тиража в миллион экземпляров. Это произведение носило не просто идеологический, но квазирелигиозный характер, формируя фундамент антихристианской расовой метафизики нацистского рейха. Розенберг позиционировал свою теорию как духовную революцию, призванную заменить собой христианскую универсалию новым сакральным порядком, основанным на расовой иерархии и биологической метафизике (Rosenberg 1993).

Центральным положением «Мифа» было утверждение, что источником духовного разложения человечества выступает расовое смешение — явление, определяемое Розенбергом как главное зло мировой истории. История, в его интерпретации, — не развёртывание божественного плана, как в христианской эсхатологии, а арена борьбы рас, в которой арийская раса — субъект культуры, а «бастарды» и унтерменши — силы разрушения. Апофеоз арийского духа Розенберг видел в разрушении Карфагена — центра «финикийского духа», «атлантидской» (предсемитской и протовосточной) культуры, носителя «зловонных миазмов материализма». В этом событии он усматривал акт расовой сакрализации Рима как бастиона арийской воинской добродетели.

Однако с приходом христианства, по Розенбергу, начинается процесс упадка. Воинский архетип арийца подвергается «семитскому» наложению: нордический дух дисциплины и героизма сублимируется в мораль вины, смирения и любви к ближнему. Христианство тем самым трактуется не как духовное преображение, а как политико-расовая катастрофа. Смешение арийской крови с «низшими расами» рождает феномен бастардов — антропологически и духовно неустойчивых типов, которые, по Розенбергу, стали ядром кризисов европейской истории.

НАЦИСТСКИЙ ЭЗОТЕРИЗМ

Уже в 1935 году, через два года после прихода нацистов к власти, под покровительством Генриха Гиммлера было учреждено «Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» (Deutsches Ahnenerbe), более известное под кратким названием Аненербе — «наследие предков». Это общество фактически выполняло функции научно-окультиного отдела СС, ориентированного на поиск и мобилизацию псевдодуховных источников легитимации арийского мифа. Объектами изучения Аненербе становились руническое письмо, сакральный символизм, эзотерическая география, «энергетическая архитектура», паранормальные явления, народные танцы, архетипы мифологических героев, «арийские» элементы в восточных культурах и даже «допотопная наука» (Васильченко 2005).

Принципиальным расхождением между христианской традицией и духовными практиками, культивируемыми в нацистском оккультном движении, является различие между откровением и эзотеризмом. Христианство по своей природе не является эзотерическим учением. Его основания — в откровенной, универсальной, общедоступной истине, обращённой ко всему человечеству. Благовестие Христа, апостольская проповедь, учение о спасении — всё это несёт в себе структуру миссии, открытой каждому, независимо от этнической, расовой или кастовой принадлежности. Вера — предмет обращения, а не тайного посвящения. Церковь — не замкнутый орден, а соборное тело, открытое для всех верующих.

Нацизм, напротив, стремился к сакрализации исключительности. Именно поэтому он опирался на формы эзотеризма — духовных систем, предполагающих наличие недоступного большинству тайного знания, якобы восходящего к древним арийским посвящённым. Эзотерическая направленность Аненербе, учреждения, призванного легитимировать миф о духовном превосходстве «расы господ», не имела ничего общего с христианством — ни по содержанию, ни по методу. Символика, ритуалы, паранаучные теории, апелляции к допотопным цивилизациям, руническим знакам, «магии крови» — всё это укладывалось в рамки неоязыческого гнозиса, противостоящего евангельскому учению (Васильченко 2008).

Ключевую роль в формировании нацистской эзотерики сыграл Герман Вирт — один из первых директоров Аненербе. Именно с организованной им выставки «Наследие немецких предков», которую посетил

Генрих Гиммлер, начался институциональный запуск проекта Аненербе как научно-окультиного подразделения СС. Теоретические основания Вирта, разработанные ещё в 1920-е годы, легли в основу формирования неоязыческого, мифологического и откровенно антихристианского мировоззрения, получившего поддержку в высших кругах нацистского руководства.

Центральным элементом его доктрины стала так называемая гиперборейская теория, изложенная в книге «Происхождение человечества» (1928). Вирт отвергал библейскую идею единого происхождения человечества от одного прародителя — Адама, заменяя её концепцией полигенизма: существования в доисторическую эпоху двух противоположных, антагонистических проторас. С одной стороны — гиперборейцы, якобы духовно одухотворённые существа, обитавшие на утраченной северной прародине Гиперборее; с другой — «человеко-звери» с материка Гондваны, являвшиеся носителями материализма, гедонизма и «вещественного сознания».

Эта дуалистическая антропология, по сути, замещала христианское учение о сотворении человека, его грехопадении и спасении. Вместо универсального греха — расовое происхождение, вместо греховного выбора — природная неполноценность, вместо спасения — расовая селекция. По Вирту, вся история человечества — это латентное противоборство двух расовых начал, выявляющее себя через мифы, архетипические символы, образную речь, геометрию, линейность письма, бытовую эстетику и архитектуру (Эрлихман 2011: 181–186).

Ещё одной важной фигурой в конструировании нацистского эзотерического мировоззрения стал Вильгельм Тойдт, германский эзотерик, германист и деятель оккультного неоязычества. Его ключевая идея — утверждение, что древние германцы обладали высокоразвитой культурой ещё до соприкосновения с римлянами и франками и что именно христианизация стала причиной катастрофического обрыва этой культурной традиции. Христианство, по Тойдту, принесло с собой не только «чуждую духовность», но и разрушение памяти, уничтожение ритуальной топографии, деформацию религиозного символизма.

В своей теории Тойдт утверждал, что преобладающим материалом в культуре германцев было дерево, а не камень, как у римлян или христиан. По этой причине якобы не сохранилось следов германского искусства: оно исчезло вместе с рощами, тотемами и деревянной архитектурой (Hartmann 2010).

НАЦИСТСКИЙ ИНФЕРНАЛИЗМ

За неоязыческими формами, реконструированными в рамках национал-социалистического мировоззрения, скрывается глубже лежащий слой идей, который можно обозначить как инфернализм — апелляцию к тёмным, деструктивным, потусторонним силам, противопоставленным светлым основаниям традиционных религий.

Неоязычество в нацистской интерпретации представляло собой не столько возвращение к архаическому культу природы, сколько его трансформацию в сторону квазирелигиозной системы, направленной на разрушение христианской аксиологии. Символика, мифология, ритуалы — всё это было наполнено новым, инверсивным содержанием, где культ жизни, характерный для классического язычества, подменялся культом смерти, насилия и жертвоприношения.

Свастика, использованная как главный символ нацизма, не исчерпывает глубинного значения нацистской символики. За ней скрывается другая эмблема, менее публичная, но активно используемая в эзотерико-окультиных кругах СС, — «Чёрное солнце» (Schwarze Sonne). Эта мистическая эмблема, размещённая на полу Вевельсбургского замка — культового центра СС, — символизировала источник сокрытой космической энергии, якобы восходящей к арийским праформам и сопряжённой с идеей метафизического господства.

Чёрное солнце стало выражением инфернального измерения нацизма, утверждающего силу разрушения, смерть как очищение и волю к господству, превосходящую моральные ограничения христианства. Здесь происходит подмена сакрального инфернальным, а человек рассматривается как орудие воли расового сверхбытия, отвергающего гуманизм, сострадание и равенство.

Одним из признаков фашизма, по Умберто Эко, выступает культ смерти, получивший в нацизме особенно выраженное и оформленное воплощение. В отличие от традиционного язычества, в основе которого лежит культ жизни, плодородия и природной цикличности, нацистская идеология возвела в ранг ценности смерть, трактуемую как высшую форму служения расовому и государственному идеалу².

Смерть в нацизме не воспринималась как трагедия — напротив, она романтизировалась и эстетизировалась: героическая гибель в бою,

² Умберто Эко: 14 признаков фашизма. — URL: http://pikabu.ru/story/umberto_yeko_14_priznakov_fashizma_4016723 (дата обращения: 03.07.2025).

самопожертвование за идею, массовое уничтожение «неполноценных» как акт очищения. В этом контексте была создана особая форма этики — этики разрушения, в которой физическое уничтожение стало средством «оздоровления» нации. Программы типа «Т-4», массовые казни в лагерях, эвтаназия, расовая сегрегация и геноцид оправдывались как проявление «расовой гигиены» (Кей 2024: 16).

Нацизм вводит в дискурс и человеконенавистничество как структурный компонент идеологии. Традиционные религии, включая язычество, не знали идеологического презрения к человеку как биологическому и духовному существу. В нацистском же проекте определённые группы объявляются онтологически недочеловеческими, «унтерменшами», лишёнными права на существование. Это не просто дегуманизация, а системная установка на вражду ко всякому инакомыслию, инаковидности и инаковерию, превращающая человека в объект биополитической селекции.

Таким образом, культ смерти в нацизме — это не просто милитаристская риторика, а псевдосакральная трансформация самой идеи жизни, где живое ценно лишь постольку, поскольку оно соответствует расовому идеалу. Это отличает нацистскую идеологию от классического язычества, в котором жизнь — основа миропорядка, а смерть — лишь переход в иной цикл. В нацизме же смерть становится самоцелью, а человек — материалом, подлежащим отбору, переработке или устранению.

КРАХ ЯЗЫЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА: УРОКИ ИСТОРИИ

Германский языческий империализм обнаружил очевидное превосходство над секулярным и антиклерикальным Западом. В столкновении с СССР, официально опиравшимся на классовую идеологию, германская модель также поначалу демонстрировала преимущества. Однако в процессе войны обозначился иной, глубинный вектор сопротивления. По аналогии с новозаветной историей, в экзистенциальной ситуации военных лет начинает проявляться, скрытая до того момента, но сохранявшая преемственность, христианская сила, сопоставимая с раннехристианской церковью, вышедшей из катакомб. В годы войны наблюдается явный сдвиг в сторону возрождения религиозной идентичности: восстанавливается патриаршество (1943 год), открываются ранее закрытые храмы, подчёркивается преемственность между героями прошлого — Александром Невским, Дмитрием Донским — и современными защитниками Отечества. В культурном пространстве происходит переосмысление

Победы не только как военной, но как нравственной и духовной — как победы глубинных христианских смыслов над неоязыческой идеологией. Знаковым становится и факт, что завершение войны пришлось на третий день Пасхи — 9 мая 1945 года, что в религиозной символике соотносится с воскресением, победой жизни над смертью (Багдасарян, Сильвестр арх. (Лукашенко) 2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ приводит к констатации, что германский нацизм опирался на широкое дискурсивное пространство германской и шире западноевропейской мысли, став его логическим завершением. Сведение нацизма исключительно к Гитлеру и гитлеровскому кругу деформирует ход исторического процесса, подводя к представлению о произошедшем в истории Европы сбое. Согласно полученным выводам произошедший переход к нацизму не был сбоем, а логическим следствием эволюции западной мысли в целом. И в этом отношении ответственность за нацизм несут не только Гитлер и НСДАП, а вся породившая их цивилизация Запада. Сопряжённое с неонацизмом неоязычество является важнейшим аттрактором истории западной мысли. Определение неоязычества как порождения современного этапа развития Запада является принципиальной по значимости констатацией в его изучении.

Зарождение идеологии национализма, а потом и нацизма выводило на вопрос о мировоззренческих основаниях представлений о первоосновах нации или расы. Христианство, естественно, таких оснований дать не могло. Такие основания давало неоязычество. Пропаганда неоязычества делала неизбежным конфликт с христианством, актуализируя евангельскую историю такого противостояния. Формирование идеологии национализма и нацизма приводило, соответственно, к распространению антихристианского дискурса. Неонацизм повторяет логику развития нацизма, обнаруживая тесную связанность с неоязычеством. Выявление такой связи даёт в свою очередь и понимание того, как победить нацизм и его современные производные. В начале первого тысячелетия язычество, легитимизировавшее отношения неравенства по крови, было низвергнуто проповедью христианского учения. В XX веке германский нацизм был побеждён обратившимся к глубинным христианским кодам Русской цивилизации Советским Союзом. И в развитии этой логики победить неонацизм как идеологию можно, противопоставив ему мировоззрение, опирающееся на базовые идеи и принципы христианства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М. : Кучково поле, 2024. — 416 с.

Багдасарян В. Э., Сильвестр, арх. (Лукашенко). Историософия Великой Отечественной войны: ценностное осмысление Победы. — Ярославль : ИПК «Индиго», 2025. — 328 с.

Багдасарян В. Э. Украинский нацизм. Исторические истоки. — М. : Наше завтра, 2023. — 528 с.

Багдасарян В. Э. Фашизм и нацизм. Вторая попытка. — М. : Тион, 2025. — 672 с.

Баринов И. И. Табу и мифы Третьего рейха. — М. : Псковская областная типография, 2013. — 247 с.

Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм // Путь. — 1938. — № 56. — С. 3–18.

Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. — М. : Рипол-классик, 2005. — 431 с.

Васильченко А. В. Оккультный миф III рейха. — М. : Яуза-пресс, 2008. — 624 с.

Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. — СПб. : Евразия, 1993. — 256 с.

Гюнтер Г. Избранные работы по расологии. — М. : Белые альвы, 2005. — 576 с.

Гюнтер Г. Индоевропейская религиозность. — Тамбов : Тамбов, 2008. — 80 с.

Дворкин А. Л. Кто придумал неоязычество. — М. : Вольный странник, 2022. — 208 с.

Кей А. Империя истребления. История массовых убийств, совершённых нацистами. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 528 с.

Керцер Д. Папа римский и война. Неизвестная история взаимоотношений Пия XII, Муссолини и Гитлера. — М. : Альпина Паблишер, 2024. — 836 с.

Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы второй половины XIX — начала XX веков: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен. — Иваново : ПресСто, 2013. — 146 с.

Мельников Д. Е., Чёрная Л. Б. Конвейер смерти: тайны СС и гестапо. — М. : Вече, 2005. — 479 с.

Ницше Ф. Антихрист. Проклятие христианству // Ницше Ф. Антихрист. Эссе Номо. Сумерки идолов. — М. : АСТ, 2019. — 352 с.

Ницше Ф. Весёлая наука. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 352 с.

Нюрнбергский процесс: сб. материалов. — Т. II. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1954. — 1155 с.

Пленков О. Ю. Третий Рейх. Арийская культура. — СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. — 480 с.

Поляков Л. В. Арийский миф. Исследование истоков расизма. — СПб. : Евразия, 1996. — 355 с.

Рюдигер Э. Эддическая евгеника. — Тамбов : Ex Nord Lux, 2008. — 200 с.

Хавкин Б. Л. Наследие Мартина Лютера и еврейский вопрос в современной Германии // Современная Европа. — 2019. — № 4. — С. 174–184.

Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. — 2000. — № 1. — С. 47–62.

Цимбал М. Ф. Рихард Вагнер и культура Третьего Рейха // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2014. — Вып. 7. — Ч. 1. — С. 192–198.

Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия: в 2 т. — СПб. : Русский мир, 2012. — 1167 с.

Шоукросс Х. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 26 и 27 июля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. — М. : Юридическая литература, 1999. — Т. 8. — С. 333–429.

Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933–1939. — Екатеринбург : Астрель ; М. : У-Фактория, 2010. — 958 с.

Эрлихман В. В. Фантастическая «Хроника Ура Линда» // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М. : Институт археологии РАН, 2011. — 381 с.

Alles, Gregory D. The science of religions in a fascist state: Rudolf Otto and Jacob Wilhelm Hauer during the Third Reich // Religion. — 2002. — Vol. 32. — № 3. — P. 177–204.

Davies A. T. The Aryan Christ: a motif in Christian anti-Semitism // Journal of Ecumenical studies. — 1975. — Vol. 12. — № 4. — P. 569–579.

Hammer O. The Occult World. — Abingdon: Routledge, 2015. — 780 p.

Hartmann J. Vom “völkischen Vorkämpfer” zum Nationalsozialisten “bis auf die Knochen”. Der politische Werdegang des “Germanenkundlers”

Wilhelm Teudt // Rosenland. Zeitschrift für lippische Geschichte. — 2010. — № 11. — P. 23–36.

Kurlander E. “The Rise of Völkisch-Nationalism and the Decline of German Liberalism: A Comparison of Liberal Political Cultures in Schleswig-Holstein and Silesia 1912–1924” // European Review of History. — 2002. — 9 (1). — P. 23–36.

Rosenberg A. Race and Race History, and Other Essays. — N.Y. : Harper Torchbooks, 1971. — 204 p.

Rosenberg A. The Myth of the Twentieth Century: An Evaluation of the Spiritual — intellectual Confrontation of Our Time. — Costa Mesa, 1993. — 471 p.

Wilfried Daim. Der Mann, der Hitler die Ideen gab: Jörg Lanz von Liebenfels. 1874–1954. — Ueberreuter, 1994. — 330 p.

Сведения об авторе:

Вардан Эрнестович Багдасарян — доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения, 105005, Москва, ул. Радио, 10А, fakul-ipp@eduprosvet.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 04.02.2025.

V. E. Bagdasaryan

POLITICAL SCIENCE AND LAW AT THE STATE UNIVERSITY OF EDUCATION,
MOSCOW, RUSSIA

The Anti-Christian Context of the Genesis of German Nazism

Abstract. The aim of this study is to identify the genesis of anti-Christian ideas in German Nazism and to determine their place within the structure of Nazi ideology. The initial hypothesis regarding the existence of an anti-Christian core in the Nazi worldview is verified. The research is based on the methodological principles of discourse analysis and intellectual history, which allow for the reconstruction of key ideological components and the tracing of their origins, transformations, and continuity within the broader context of German social thought.

The study demonstrates that the roots of Nazi anti-Christian sentiment lie in European Romanticism, the neo-pagan myth, the *völkisch* movement, Wagnerian circles, and Nietzschean anti-theism. A staged strategy of religious transformation is identified: in the first stage, Christianity was merged with paganism; in the second, Christian elements were removed from the newly constructed religious surrogate; in the third, a “pure” Germanic pagan religion was to be established. A likely fourth stage envisioned the replacement of neo-paganism with its esoteric and hermetic core — an openly misanthropic, infernal, and satanic cult.

The research explores the processes of the Nazification of German Christianity, the institutionalization of Germanic neo-paganism, and the development of Nazi esotericism. It emphasizes that responsibility for Nazism lies not only with Hitler and the NSDAP, but with the broader Western civilization that gave rise to them. Neo-paganism, closely linked to neo-Nazism, continues to function as a significant attractor in the historical trajectory of Western thought.

Keywords: German Nazism, anti-Christianity, traditional paganism, neo-paganism, esotericism, infernalism, racial ideology, myth, religion

For citation: Bagdasaryan, V. E. (2025). The Anti-Christian Context of the Genesis of German Nazism. *Orthodoxia*, (1), 44–77. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-1-44-77

REFERENCES:

Alles, Gr. D. (2002). The science of religions in a fascist state: Rudolf Otto and Jacob Wilhelm Hauer during the Third Reich. In *Religion*, 32(3), 177–204.

Anderson, B. (2024). Vooobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow : Kuchkovo pole. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E., Sylvester, archim. (Lukashenko). (2025). Istoriософия Velikoy Otechestvennoy voyny: tsennostnoe osmysleniye Pobedy [Historiosophy of the Great Patriotic War: Value-Based Understanding of the Victory]. Yaroslavl : IPK “Indigo”. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E. (2023). Ukrainskiy natsizm. Istoricheskie istoki [Ukrainian Nazism: Historical Origins]. Moscow : Nashe zavtra. [In Russian].

Bagdasaryan, V. E. (2025). Fashizm i natsizm. Vtoraya popytka [Fascism and Nazism: The Second Attempt]. Moscow : Tyon. [In Russian].

Barinov, I. I. (2013). Taboo i mify Tret’ego reykhа [Taboos and Myths of the Third Reich]. Moscow : Pskovskaya Oblastnaya Tipografiya. [In Russian].

Berdyaev, N. A. (1938). Khristianstvo i antisemitizm [Christianity and Antisemitism]. In *Put’* (vol. 56), 3–18. [In Russian].

Chamberlain, H. S. (2012). Osnovaniya devyatnadsatogo stoletiya [The Foundations of the Nineteenth Century]. (In two volumes). Sankt-Petersburg : Russkiy mir’. [In Russian].

Davies, A. T. (1975). The Aryan Christ: a motif in Christian anti-Semitism. In *Journal of Ecumenical studies*, 12(4), 569–579.

Goodrick-Clarke, N. (1993). Okkultnye korni natsizma. Taynye ariyskie kul’ty i ikh vliyanie na natsistskuyu ideologiyu: Ariosoфy Avstrii i Germanii, 1890–1935 [The Occult Roots of Nazism. Secret Aryan Cults and

Their Influence on Nazi Ideology: Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935]. Sankt-Peterburg : Evraziya. [In Russian].

Günther, G. (2005). *Izbrannye raboty po rasologii* [Selected Works on Racial Studies]. Moscow : Belye alvy. [In Russian].

Günther, G. (2008). *Indoeuropeyskaya religioznost'* [Indo-European Religiousness]. Tambov : Tambov. [In Russian].

Dvorkin, A. L. (2022). *Kto pridumal neoyazychestvo* [Who Invented Neo-Paganism]. Moscow : Volny strannik. [In Russian].

Erlikhman, V. V. (2011). *Fantasticheskaya "Khronika Ura Linda"* [Fantastic "Chronicle of Ura Linda"]. In *Falsifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of Historical Sources and Construction of Ethnocratic Myths]. Moscow : Institut arkhologii RAN. [In Russian].

Evans, R. (2010). *Tretiy reyh. Dni triumfa: 1933–1939* [The Third Reich. Days of Triumph: 1933–1939]. Ekaterinburg : Astrel', Moscow : U-Factoria. [In Russian].

Hammer, O. (2015). *The Occult World*. Abingdon : Routledge.

Hartmann, J. (2010). Vom "völkischen Vorkämpfer" zum Nationalsozialisten "bis auf die Knochen". Der politische Werdegang des "Germanenkundlers" Wilhelm Teudt. In *Rosenland. Zeitschrift für lippische Geschichte*, (11).

Hobsbaum, E. (2000). *Izobretenie traditsiy* [The Invention of Tradition]. In *Vestnik Evrazii*, (1), 47–62. [In Russian].

Kurlander, E. (2002). The Rise of Völkisch-Nationalism and the Decline of German Liberalism: A Comparison of Liberal Political Cultures in Schleswig-Holstein and Silesia 1912–1924. In *European Review of History*, 9(1).

Hobsbaum, E. (2000). *Izobretenie traditsiy* [The Invention of Tradition]. In *Vestnik Evrazii*, (1), 47–62. [In Russian].

Key, A. (2024). *Imperiya Istrebleniya. Istoriya massovykh ubijstv, sovershennykh natsistami* [The Empire of Extermination. The History of Mass Killings Committed by the Nazis]. Moscow : Alpina non-fikshn. [In Russian].

Kertser, D. (2024). *Papa rimskiy i vojna. Neizvestnaya istoriya vzaimootnosheniy Piya XII, Mussolini i Gitlera* [The Pope and War. The Unknown History of Relations between Pius XII, Mussolini and Hitler]. Moscow : Alpina Publisher. [In Russian].

Khavkin, B. L. (2019). *Nasledie Martina Lyutera i evreyskiy vopros v sovremennoy Germanii* [The Legacy of Martin Luther and the Jewish Question in Contemporary Germany]. In *Sovremennaya Evropa*, (4), 174–184. [In Russian].

Lepetukhin, N. V. (2013). *Teorii razizma v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Zapadnoy Evropy vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov:*

Zh.-A. Gobino, G. Lebon, Kh.-S. Chamberlen [Theories of Racism in the Socio-Political Life of Western Europe in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: J.-A. Gobineau, G. Le Bon, H.-S. Chamberlain]. Ivanovo : PresSto. [In Russian].

Melnikov, D. E., Chernaya, L. B. (2005). Konveyer smerti: tayny SS i Gestapo [Death conveyor: The Secrets of the SS and Gestapo]. Moscow : Veche. [In Russian].

Nietzsche, F. (2019). Antikhrisť. Proklyatie khristianstvu [The Antichrist. A Curse upon Christianity]. In *Nietzsche F. Antikhrisť. Ecce Homo. Sumerki idolov* [Nietzsche F. The Antichrist. Ecce Homo. Twilight of the Idols]. Moscow : AST. [In Russian].

Nietzsche, F. (2023). Veselaya nauka [The Gay Science]. Sankt-Petersburg : Azbuka, Azbuka-Attikus. [In Russian].

Nurnbergskij process. Sbornik materialov [The Nuremberg Trials. Collection of Materials]. (1954). (Vol. 2). Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. [In Russian].

Plenkov, O. Yu. (2005). Tretiy Reykh. Ariyskaya kultura [The Third Reich. Aryan Culture]. Sankt-Petersburg : Neva. [In Russian].

Polyakov, L. V. (1996). Ariyskiy mif. Issledovanie istokov rasizma [The Aryan Myth. A Study of the Origins of Racism]. Sankt-Petersburg : Evraziya. [In Russian].

Rosenberg, A. (1971). Race and Race History, and Other Essays. N.Y. : Harper Torchbooks.

Rosenberg, A. (1993). The Myth of the Twentieth Century: An Evaluation of the Spiritual — intellectual Confrontation of Our Time. Costa Mesa.

Ryudiger, E. (2008). Eddicheskaya evgenika [Eddic Eugenics]. Tambov : Ex Nord Lux. [In Russian].

Shawcross, H. (1999). Zamykatel'naya rech' Glavnogo obvinitelya ot Velikobritanii H. Shoukrossa. Stenogramma zasedaniy Mezhdunarodnogo voennogo tribunala ot 26 i 27 iyulya 1946 g. [Final Speech of the Chief Prosecutor for Great Britain H. Shawcross. Transcript of the International Military Tribunal Sessions of July 26 and 27, 1946]. In *Nurnbergskij process: Sb. materialov v 8 t.* [Nuremberg Trial: Collection of Materials in 8 Volumes] (Vol. 8, pp. 333–429). Moscow : Yuridicheskaya literatura. [In Russian].

Tsimbal, M. F. (2014). Rihard Vagner i kul'tura Tretyego Reykha [Richard Wagner and the Culture of the Third Reich]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 7(1), 192–198. Tambov : Gramota. [In Russian].

Vasilchenko, A. V. (2005). Ahnenerbe. “Naslediye predkov” bez mifov i tayn [Ahnenerbe. “The Heritage of Ancestors” Without Myths and Secrets]. Moscow : Ripol-classic. [In Russian].

Vasilchenko, A. V. (2008). Okkultnyy mif III Reykha [The Occult Myth of the Third Reich]. Moscow : Yauza-press. [In Russian].

Wilfried, D. (1994). Der Mann, der Hitler die Ideen gab: Jörg Lanz von Liebenfels. 1874–1954. Ueberreuter.

About the author:

Vardan Ernestovich Bagdasaryan — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education, 10A, Radio str., Moscow, Russia, 105005, fakul-ipp@eduprosvet.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 04.02.2025.